До вечера она лежала с головой укрывшись теплым пуховым платком. Легкий озноб сотрясал ее согнутое калачиком тело. Мирон Григорьевич с дедом Гришкой уже собрались идти в церковь, когда она встала и вошла в кухню. На висках ее гладко причесанных черных волос блестел пот, масляно нездоровой поволокой задернулись глаза. Мирон Григорьевич, застегая на широких шароварах длинный ряд пуговиц, скосился на дочь.

— Простыла тебя, дочушка, хворать. Пойдем в церкву.

— Идите я после приду.

— К шапошному разбору?

— Нет. Я одинусь... Вы вот одетьтесь и я пойду.

Казаки ушли, в доме осталась Лукинишна и Наталья. Она то переходила от сундука к кровати, завидущими глазами оглядывала разворошенный в сундуке ворох нарядов. Мучительно что-то обдумывала, шевеля губами. Лукинишна подумала, что Наталья колеблется в выборе наряда и с материнским великодушием предложила.

— Надевай, Милая мою синюю юбку. Она тебе теперича как раз будет.

Наталье не сшили к масленке обнову и мать вспомнив, как она еще в девках любила по праздникам казаться в синюю узкую в подол юбку, обрадовалась с своим добрым сердцем, что Наталья загревалась над выбором.

— Надежешь, што-ль? Я достану.

— Нет. Я в этой пойду. — Бережно вытащила Наталья из ворота зеленую свою юбку и вдруг вспомнила, что это привезла ей приезжая женщина ее проведать; под праздник наказ сарая, в первый раз пристафил ее легким поцелуем, и затрепетав в подступившем радении, грудью навалившись на подоконник ребром крашину сундука.

— Та чево? — удивленно всплеснула руками мать.

Наталья закрыла просившийся из нутрины крик и осилив себя засмеялась скрипучим деревянным смехом.

— Шлюх-то нашло нонче на Лизке.

— Ох, Наташка, примечаю я...

— И чево вы, маманя, примечаете? — с неожиданной злобой крикнула Наталья комкая в пальцах зеленую юбку.

— Не сдюжешь ты, вдвоем... Замуж надо.

— Будя! Побыла!

Наталья вошла в свою горницу одевалась и через короткий промежуток времени снова пришла в кухню уже одетая, тонкая по девичьи, неся бледное в прозрачной синеве небесного рукомойника.

— Иди одна, я што не управилася. — сказала мать.

Наталья сунув за опояску рукава шубейки вышла на крыльцо. От дома наносил ветер ворох взволнованного льда и пресный живительный запах талой сырости.

Наталья левой рукой придерживая подол юбки, обходя перламутровые в раскинутых по улице лужах фигура до церкви. Дорогой Наталья вернула прежнее уравновешенное